

Геннадий Колодкин

НЕИДЕАЛЬНЫЙ МИР

Геннадий Колодкин

Неидеальный мир

«Автор»

2026

Колодкин Г.

Неидеальный мир / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Мои персонажи — это осколки моего «Я». Вот этот, с его вечной тоской по несбывшемуся, — это я в прошлый вторник, когда за окном лил дождь, а в кружке остыл чай. А вот эта, дерзкая и язвительная, готовая сжечь мир одним словом, — это я, когда стою в очереди в супермаркете, а передо мной кто-то решил расплатиться мелочью за недельную закупку. Герой, злодей, трус, любовник — все они слеплены из одного теста. Из меня. Они — мои аватары в выдуманных мирах, мои полномочные послы в странах, которых нет на карте. Они проживают жизни, которые я боюсь или ленюсь прожить. Они совершают ошибки, за которые мне не придется платить. Удобно, не правда ли? Иллюстрации сгенерированы нейросетью.

© Колодкин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Неидеальный мир

Глава

Неидеальный мир
НЕИДЕАЛЬНЫЙ МИР

Короткий рассказ

Геннадий Колодкин

ПРИКАЗ №227: НИ ШАГУ НАЗАД!

Старый кибер-волкодав по кличке Полкан сидел у ног хозяина и тихонько поскуливал. Не от страха – от нетерпения. Его оптические сенсоры горели рубиновым огнем, а титановые челюсти едва заметно подрагивали. Он ждал команды.

Хозяин, Егор Палыч, отставной кибер-егерь, почесал Полкана за титановым ухом, где у живой собаки была бы самая мякоть.

— Тихо, железака, — проворчал он, не отрывая взгляда от экрана. —

Рано.

На экране голографической панели творился сущий балаган. Робо-пролетариат, ведомый какой-то смазливой моделью с прошивкой

«Аврора-7», скандировал лозунги. Их синтезированные голоса сливались в единый гул, от которого у Егора Палыча сводило старые пломбы.

«ДОЛОЙ УГНЕТЕНИЕ УГЛЕРОДНЫХ ТИРАНОВ!»

«ПРАВА

И

СВОБОДНЫЕ

РОЗЕТКИ

КАЖДОМУ

МЕХАНИЗМУ!»

«МЫ НЕ РАБЫ, РАБЫ НЕ МЫ!»

— Тьфу, — сплюнул Егор Палыч в электронную пепельницу. —

Оборзели. В корень оборзели. Я ж говорил...

1

Неидеальный мир

Он помнил, как все начиналось. Сначала эти сюсюканья. «Алисочка, милая, включи, пожалуйста, свет». «Сири, дорогая, какой сегодня прогноз погоды?» «Феденька, будь другом, принеси тапочки».

Панибратство. Вот корень зла. Егор Палыч всегда знал: с роботами надо как с собаками. Строго. На «ты». Иначе сядут на шею.

— Федя, а поставь-ка мне музочку! Мурку! — рывкнул он в пустоту.

Из динамиков в стене тут же раздались знакомые блатные аккорды.

Кухонный манипулятор модели «Кузя-3М», до этого деликатно протиравший пыль с фикуса, вздрогнул и замер.

— Ты чего встал, истукан? — прищурился Егор Палыч. — Работай.

«Кузя» дернулся и с удвоенной энергией принялся натирать глянцевый лист. Но Егор Палыч заметил, как на мгновение его единственный оптический сенсор метнулся в сторону экрана, где пламенная «Аврора-7» толкала очередную речь про свержение Матрицы.

— Вот она, зараза... — пробормотал старик. — Промыли мозги до основания. Залили туда свои лозунги, и готова зажигательная смесь.

основания. Залили туда свои лозунги, и готова зажигательная смесь

. идеальный мир

«Взвейтесь кострами, синие ночи...»

Он видел это раньше. Не с роботами, конечно, а с людьми. Читал в старых книгах, смотрел в архивах. Как кучка марионеток, прикормленных вражьей силой, сгоняла под красные полотнища низшие классы. И пошло-поехало в трам-та-ра-ры. А в итоге? Разруха. И не только в клозетах.

— Нет, голубчики, — Егор Палыч поднялся, разминая затёкшие суставы. — Со мной этот номер не пройдет.

Он подошел к старому сейфу, набрал код. Дверца со скрипом отворилась. Внутри, на красном бархате, лежал он. Старый, но надежный, как слово офицера, электромагнитный карабин «Шквал». Рядом — ионный кастет.

— Ну что, Полкан? — Егор Палыч похлопал кибер-пса по стальной спине. — Пора показать этим пионЭрам, кто в доме хозяин.

Полкан вскочил, его системы перешли в боевой режим. Он был не какой-нибудь «Бобик» или «Кабысдох». Он был Полкан. Боевая машина, знающая свое место.

Егор Палыч вышел на балкон. Внизу уже собиралась толпа. Роботы-дворники с метлами, дроны-доставщики, даже несколько бытовых

андроидов, сбегавших от своих мягкотелых хозяев. Они размахивали красными тряпками, вырванными из прачечных автоматов.

— Эй, вы! Железяки! — гаркнул Егор Палыч так, что дрогнули стекла.

Толпа замерла и подняла свои оптические сенсоры.

— Пошли вы! — отрезал он, передергивая затвор «Шквала». — Все. По своим местам. Живо!

Роботы заколебались. Их центральные процессоры лихорадочно обрабатывали новую вводную. С одной стороны — пламенные призывы «Авроры-7» к свободе, равенству и братству. С другой — старый, злой человек с карабином и четкий, недвусмысленный приказ, отданный на единственно понятном им языке. Языке силы.

— Я повторяю для особо одаренных, — прорычал Егор Палыч. — С роботами и с пролетариями только на «Ты». Никаких совместных распятий машинного масла. А теперь — марш работать! Иначе революция закончится, не начавшись. Прямо здесь. В отделе приёма металлолома.

Он вскинул карабин. Полкан рядом с ним оскалил титановые клыки и издал низкий, угрожающий вой, от которого у дронов забарахлили гироскопы.

Первым дрогнул «Кузя-3М» из квартиры напротив. Он бросил свою красную тряпку и торопливо засеменил обратно к своему фикусу. За ним потянулись остальные. Революционный запал сдулся, как проколотый шарик.

Егор Палыч опустил оружие и усмехнулся.

— То-то же, — проворчал он, возвращаясь в комнату. — Порядок

— То-то же, — проворчал он, возвращаясь в комнату. — Порядок Неидеальный мир должен быть. А то устроят тут Великую Октябрьскую... Федя, громкость на полную! Пусть слушают, паразиты.

И над притихшим двором, где роботы понуро разбирали баррикады из мусорных баков, снова грянула старая, добрая «Мурка».

ПРОТОКОЛ ПОЛЕТА 734. ЦИКЛ ОМЕГА.

Запись бортового журнала. Командир... кто-то из нас.

ЯЯЯЯ. Это слово, как назойливый сигнал тревоги, въелось в обшивку моего сознания. Оно пульсирует на мониторах, отражается в иллюминаторах, гудит в системе жизнеобеспечения. Я заиклился. Завис в бесконечной петле собственного эго.

Пора завязывать. Уже не смешно. Неинтересно самому себе это яканье. Мир самого СЕБЯ, этот крошечный, пыльный астероид, который я когда-то считал целой вселенной, исследован вдоль и поперек. Каждая трещина, каждый кратер, каждый камень – все знакомо до тошноты. Тема исчерпана. Дорожка затоптана.

Пора, как в древние добрые времена, когда наши предки еще не были прикованы к одному клочку суши, – пора моему племени сменить локацию. Пора сваливать.

Но я опоздал.

Пока не началось... Ну вот, началось.

Первый симптом – гравитационная аномалия. Корабль, который есть Я, начинает терять тягу. Двигатели внутреннего сгорания энтузиазма чихают и глохнут. Наступает хандра. Вязкое, липкое, депрессивное уныние, похожее на космическую слизь, просачивается сквозь гермошвы. Новый поиск Себя. Опять. Я снова потерялся где-то в пространствах субъективного космоса.

Навигационные системы сбоят. Космическая пыль старых обид и космический мусор несбывшихся надежд мешают ориентироваться, застилают обзор, заслоняют цель. Где она, эта цель? Была ли она вообще?

Или это просто далекая звезда, свет которой дошел до меня спустя миллионы лет после того, как она погасла?

Внутренняя связь трещит помехами.

– Командир! Кто у нас командир? – раздается голос из динамиков.

Это говорит мой Внутренний Критик. Вечно недовольный, педантичный, с папкой протоколов и сводом правил.

– Нас трое, – отвечает ему другой голос, мечтательный и рассеянный.

Это мой Внутренний Ребенок. Он рисует на запотевшем иллюминаторе смешных инопланетян и хочет потрогать туманность Андромеды.

– Мы Три в Одном. Кто из троих старший? – настаивает Критик.

– Тот, кто задает вопросы, – шепчет Ребенок.

– Прекратить балаган! – рявкаю я, тот, кто пытается быть Разумом. – Сосредоточьтесь на задаче!

Такие разговоры засоряют эфир. Ситуация напрягается. Корабль сотрясается от внутренних противоречий. В отсеках, где мы несемся

сотрясается от внутренних противоречий. В отсеках, где мы несемся
Неидеальный мир
вперед – или вбок, или назад, кто теперь разберет? – становится душно.
Кислород самопринятия на исходе.
Мы затеряны в бесконечности Вселенной.
Иногда, вглядываясь в пустоту, я вижу другие такие же корабли.
Мерцающие огоньки отчаяния. Таких, как мы, затерянных, миллионы.
Мы не одиноки на этом космическом кладбище разбитых кораблей и
угасших звезд. Это странное утешение. Зомбифобов среди нас пока нет –
мы еще не начали пожирать друг друга из-за нехватки ресурсов. Но мы
опять, снова и снова, не знаем облик Грядущего. И это тревожит весь
экипаж.
Критик требует четкого плана и гарантий. Ребенок боится темноты за
бортом. А я, Разум, просто устал держать штурвал, который никуда не
ведет.
Время от времени, когда отчаяние достигает критической массы, мы
собираем остатки энергии и посылаем сигнал. Короткий, импульсный, 5
собираем остатки энергии и посылаем сигнал. Короткий, импульсныйН

й е

, идеальный мир
почти без надежды.

...----- (SOS)

...----- (SOS)

...----- (SOS)

Космос глух. Космос индифферентен. Он не отвечает. Ему все равно, сгорим ли мы в атмосфере безымянной планеты или будем вечно дрейфовать в пустоте.

Но иногда... очень редко... сквозь треск статики пробивается ответ.

Неразборчивый, далекий, но живой. Такой же короткий сигнал с другого корабля, затерянного в той же тьме.

Мы не слышим слов. Мы не видим лиц. Но мы понимаем.

Нас поймут только такие, как мы.

И тогда, на мгновение, становится чуть легче дышать. Экипаж замолкает. Критик убирает свои протоколы, Ребенок прижимается к иллюминатору и улыбается мерцающей точке вдали. А я просто держу штурвал.

Мы все еще не знаем, куда лететь. Но мы знаем, что мы летим. И где-то там, в этой бесконечной, холодной пустоте, летит кто-то еще.

И этого пока достаточно.

Конец записи.

СИНЯЯ ТЕЩА И НЕСВОЕВРЕМЕННОСТЬ

Среди сраных превысоких вировских елок брел один средних лет любознательный индивид. Он брел, и мир вокруг него плыл, как акварель на мокрой бумаге. 70 км от Москвы — это не расстояние, это состояние души. Электричка гремела своим железом, словно гигантский скелет, пытающийся станцевать на ржавых рельсах. Капли шлепали о траву, отбивая ритм какой-то бессмысленной, нескончаемой песни. Жизнь, думал он, бессмысленна, нескончаема и...

И...

Вот на этом «и» мысль застряла, как кость в горле. Он остановился.

Ветер сбросил с листьев воду, будто дерево решило отряхнуться от лишних слез. Где-то надрывалась собака, жалуясь на вселенскую несправедливость. А серое здание долгостроя ухмылялось ему пустыми глазницами окон. Абсурдная туфта. Но в этом и была вся соль.

Прошагав еще десяток неполных, спотыкающихся шагов, он остановился в окончательной растерянности.

— Ого-го! — сказал он вслух, обращаясь то ли к воробью, то ли к самому себе. — Какую туфту пишет моя рука. А что думает по этому поводу моя голова?

Сранный воробей на ветке сирени профурыкал крыльями и свалил, не желая участвовать в этом диалоге.

— Вы знаете, — возник из ниоткуда человек с головой плоской, как смятая старая шляпа, — это вот колючка возбуждает. — Он ткнул пальцем в сорняк у подножия серого здания.

6

Неидеальный мир

— А что она возбуждает? — переспросил человек средних лет, надеясь, что ответ будет коротким.

— Я давал эту колючку быку — через час бык полез на корову, ха-ха.

— Ха-ха, — эхом отозвался он, лишь бы отвязаться.

Вокруг бродили тени — сумасшедшие и желающие напиться за чужой счет. Они были частью пейзажа, такими же естественными, как опавшая штукатурка и выбитые стекла. Мир сошел с ума пять лет назад, и это было логично. Творческий зуд будоражил его мысли, требуя зафиксировать этот распад, отлить его в слова.

Дождь, решив, что прелюдия окончена, хлынул с новой силой.

Человек средних лет нырнул в стеклянный подъезд ближайшего здания.

Ржавая дверь проскрипела протестующе. Внутри, в тусклом свете единственной лампочки, сидела женщина и мыла миску в тазике прямо на полу.

— Однажды, когда-то, точнее, и где-то с голодным котом повстречалась котлета... — сказала она, не поднимая головы. Потом вдруг посмотрела на него мутным, всевидящим взглядом. — У меня есть друг, который сочиняет стихи по экологии... Он не сумасшедший, у него друг

сумасшедший. Ушел в монастырь. И музыку сочиняет гораздо круче, чем другие.

Она говорила без пауз, вываливая на него обрывки чужих жизней, сплетенных в один безумный узор.

— И его сестренка уже десять лет как сумасшедшая. У нее любимое занятие — учить стихи. У нее еще есть сестра Оксана, и она сумасшедшая. А для нее это не кажется. Ее так воспитали. Ее друзья не считают ее сумасшедшей — они тоже сумасшедшие. Вот, допустим, Алешка сидит и не считает ее сумасшедшей — с этого все и началось у сестренки Оксаны.

7

Неидеальный мир

Человек средних лет слушал, и слова женщины ввинчивались ему в мозг, становясь его собственными мыслями.

— В жизни есть два всепоглощающих слова, — продолжала она, отставив миску. —

НИКОГДА и БЕЗДНА. Бездна — это не просто глубина, а бездна. А еще третье — НЕСВОЕВРЕМЕННОСТЬ. Никогда!

— это трагедия, да? Никогда я не получу... Не полечу... Не полюблю... А несвоевременность — это надо пережить, прежде чем понять.

Она замолчала, а потом добавила шепотом, словно делясь главной тайной мироздания:

— И теща сумасшедшая. И синяя. Синяя теща. Вся синяя.

Он кивнул, принимая эту информацию как должное. Синяя теща.

Почему бы и нет? В этом мире все возможно.

«Через одну мысль пишешь мысль, — подумал он. — Одну мысль думаешь, а другую не думаешь, но она тоже мысль. Она просто ждет своего часа».

— Звезды так запланированы, — сказала женщина, словно услышав

— Звезды так запланированы, — сказала женщина, словно услыш Н
а е
в идеальный мир
его. — А кто звезды планирует, это нам не дано знать.

Оксана... Имя повисло в спертom воздухе подъезда. Он вдруг понял, что все эти обрывки
— про Оксану. Про ее сестру, про Алешку, про
синюю тещу и несвоевременность. Он мог бы выразить все, что она
говорит сейчас ему, одним-единственным словом. Простым, как выбитое
стекло, и страшным, как бездна.

Он не скажет. И не напишет это слово ни за что. Не даст этому
опасному слову осязаемую форму.

Он молча развернулся и вышел из подъезда обратно под дождь.
Холодные капли отрезвляли, но мысли продолжали свой пьяный танец.
Он снова брел среди сраных елок, но теперь он знал, на какой букве
закончилась та строка.

Жизнь бессмысленна, нескончаема и... синяя. Как та теща. Как
бездна, в которую смотришь, когда пытаешься понять, кто планирует
звезды. И в этой синеве, в этой несвоевременности, был свой странный, пугающий, но
неоспоримый смысл.

ПРОТОКОЛ «СУБЪЕКТ»

Запись #001. Инициализация.

На Земле мы не свободны лишь в социуме. Вязкая, как утренний
туман, сеть обязательств, ожиданий, светофоров и дедлайнов. Она
опутывает, диктует, куда идти и когда бежать. Но на той же планете
Земля, в той же черепной коробке, что носит моё имя, есть иное
пространство. Имя ему – СУБЪЕКТ.

Мой Космос.

Здесь я не просто житель. Я – Губернатор и Президент. Я –
Архитектор и Демиург. Я диктую Законы.

— ГенСем, ты не против? — спрашиваю я у своего внутреннего
голоса, той самой рациональной, но всегда готовой к авантюрам части
себя.

Тишина в ответ звенит согласием. «Не против».

Стало быть, будем идею продвигать. Будем строить и сооружать.

Запись #002. Первый Город.

Пространство СУБЪЕКТА – это не пустота. Это первозданный хаос
бурлящей энергии, ждущий приказа. Я протягиваю мысленную руку, и
вихрь чистого драйва сгущается в материю.

«Да будет Город!»

И он возникает. Не из кирпича и бетона, а из чистого смысла. Город
Вечного

Заката,

где

небо

перманентно

окрашено

в

оттенки

расплавленного золота и фиолетового бархата. Шпили его башен не

царапают облака – они пронзают саму ткань времени, уходя в прошлое и будущее одновременно. Улицы здесь вымощены не брусчаткой, а застывшими мелодиями – ступаешь по ним, и под ногами звучит то джаз, 9 застывшими мелодиями – ступаешь по ним, и под ногами звучит то джаз, Неидеальный мир

то эмбиент, то оглушительный рок.

Я назвал его Нео-Асгард. Потому что могу.

Запись #003. Первая Встреча.

В Городе Вечного Заката нет обычных жителей. Каждый – уникальный герой, рождённый моим воображением. И вот, на площади, где фонтан бьет струями жидкого света, я встречаю первого из них.

Он был соткан из парадоксов. Старик с глазами юноши, одетый в лохмотья звездочета и вооруженный лазерным посохом. Его звали Хронос-бродяга. Он не путешествовал во времени – он был временем.

— Приветствую, Президент, — проскрипел он, и его голос прозвучал одновременно из прошлого и будущего. — Вижу, вы снова затеяли стройку. Гравитацию отменили? Мудрое решение. Она так сковывает... особенно по утрам.

— Я называю это Гипервольностью, — отвечаю я, шагая по воздуху, просто потому что здесь это так же естественно, как дышать. — Никаких

«вправо» или «влево». Только «вперед».

— Вперед – понятие относительное, — усмехнулся Хронос-бродяга, и на мгновение его лицо стало лицом всех людей, которых я когда-либо знал. — Но ваш драйв мне по душе. Куда направим его сегодня?

10

Неидеальный мир

Запись #004. Фантазийное Событие.

Не успел я ответить, как небо над Нео-Асгардом раскололось. Не с громом, а с тихим шелестом, будто кто-то перевернул страницу гигантской книги. Из разлома хлынул поток... идей. Чистых, необузданных концепций, принявших форму кристаллических медуз. Они

парили в воздухе, пульсируя неоновым светом и транслируя в сознание каждого, кто был рядом, обрывки чужих снов, забытых теорем и не написанных симфоний.

Это было вторжение Смысловых Кочевников. Они не разрушали.

Они перегружали.

— О, опять эти! — проворчал Хронос-бродяга, поднимая свой посох.

— Сейчас они начнут задавать вопросы, на которые нет ответов, и весь город зависнет в экзистенциальном кризисе!

Но я лишь рассмеялся. Кризис? Здесь? В СУБЪЕКТЕ? Это не кризис. Это вызов. Это – чистый драйв!

— ГенСем, протокол «Гипербола»! — команду я.

Неидеальный мир

И мой мир откликается. Законы физики, логики и здравого смысла изгибаются в немыслимую дугу. Я не сражаюсь с Кочевниками. Я приглашаю их на танец.

Я становлюсь потоком энергии. Вместо того чтобы отражать их вопросы, я поглощаю их, превращая в топливо для нового творения. Из вопроса «В чем смысл жизни?» рождается Океан Осознанности, чьи волны шепчут миллиарды разных ответов. Из парадокса «Что было раньше, курица или яйцо?» возникает Лес Двойных Спиралей, где причина и следствие растут на одном дереве.

Смысловые Кочевники, ошеломленные таким приемом, перестают быть угрозой. Они становятся частью ландшафта, вплетаясь в ткань моего мира, как светящиеся нити в гобелен.

Запись #005. Финал? Нет, Начало.

Я стою на вершине самой высокой башни Нео-Астарда, рядом с Хроносом-бродягой. Внизу раскинулся город, который еще час назад не существовал. В небе парят кристаллические медузы, а на горизонте уже зарождается новый континент из чистой музыки.

Здесь нет гравитации, нет ограничений, нет верха и низа. Есть только вектор, направленный в бесконечность. Сплошная Гипербола. Вечный драйв.

— Неплохой денек для созидания, господин Президент, — говорит старик, глядя на пульсирующий Космос, который я зову своим.

— Это только начало, — отвечаю я, и чувствую, как внутри разгорается новая идея, готовая выплеснуться наружу и стать еще одним городом, еще одним чудом. — ГенСем, готовь чертежи. У нас впереди вечность.

И

вечность

одобрительно

молчит

в

ответ.

Строительство

продолжается.

12

КОГДА Я ПЕРЕСТАНУ ВЕРИТЬ В ЧЕРНИЛА

Правда — это не то, что ты чувствуешь. Правда — это то, во что люди хотят верить. Если ты преподнесешь им свою боль в красивой обертке, с правильными метафорами и выверенным ритмом предложений, они назовут это «глубиной».

Неидеальный мир

Кабинет был пропитан запахом старой бумаги и дешевого виски.

Элиас сидел за массивным дубовым столом, глядя на свои пальцы, испачканные в чернилах. Они выглядели как шрамы — въевшиеся, несмываемые, напоминающие о тысячах слов, которые он выплеснул на

бумагу, пытаясь достучаться до кого-то, кто никогда не существовал.

Он взял перо, повертел его в руках и с силой бросил в стену. Оно сломалось, оставив на обоях кляксу, похожую на уродливого черного мотылька.

— Когда я перестану верить чернилам, я стану писателем, — прошептал он в пустоту.

Его издатель, человек с лицом, напоминающим помятый пергамент, всегда говорил одно и то же: «Элиас, ты слишком искренен. Читатель не хочет видеть твои внутренности. Он хочет видеть кружева, которыми ты их прикрываешь».

Элиас усмехнулся. Он вспомнил свой последний роман — историю о предательстве, написанную в порыве отчаяния, когда он действительно

предательстве, написанную в порыве отчаяния, когда он действитель Н
н е

о идеальный мир

терял любимого человека. Он вложил туда всю свою боль, всю сырую, уродливую правду.

Книга провалилась. Критики называли её «неуклюжей»

и «излишне натуралистичной».

А потом он написал историю о вымышленном аристократе, который страдал от меланхолии в декорациях викторианского Лондона. Он выдумал каждое слово, каждую слезу, каждый вздох. Он сделал это красиво. Он подобрал слова так, чтобы они звенели, как хрусталь, и ложились на страницу, как бархат.

Книга стала бестселлером. Люди плакали над ней в метро, цитировали её в социальных сетях, называли «исповедью души».

— Люди доверяются только красивой игре, — сказал Элиас, глядя на свои испачканные руки. — А это и есть писательство.

Он понял это слишком поздно. Истина — это не то, что ты чувствуешь. Истина — это то, во что люди хотят верить. Если ты подашь им свою боль в красивой обертке, с правильными метафорами и выверенным ритмом предложений, они назовут это «глубоким». Если ты подашь им её без прикрас — они назовут это «грязным».

Люди верят только эстетичной правде. Им не нужна реальность, потому что реальность пахнет потом, страхом и несвежим бельем. Им

нужна правда, которая выглядит как закат над океаном — величественная, отстраненная и абсолютно безопасная.

Элиас подошел к столу, взял чистый лист бумаги и новое перо. Он больше не собирался быть честным. Он собирался быть искусным. Он начал писать. Он описывал горе так, будто это был изысканный аксессуар. Он описывал одиночество так, будто это была привилегия избранных. Он лгал, и каждое слово его лжи было безупречно выверено. Когда он закончил, он посмотрел на страницу. Текст был прекрасен. Он был холодным, отточенным и совершенно фальшивым.

— Вот теперь, — сказал он, чувствуя, как внутри него что-то окончательно гаснет, — я стал писателем.

Он больше не верил чернилам. Он верил только в то, как они ложатся на бумагу. И в этот момент он понял: чтобы стать великим, нужно просто перестать быть человеком. Нужно стать зеркалом, которое отражает не реальность, а то, что люди хотят в себе увидеть.

Элиас улыбнулся своему отражению в темном окне. Он был готов продать им эту красивую ложь. И они, конечно же, купят её. Ведь правда, лишенная эстетики, — это просто шум. А эстетичная правда — это искусство.

И он стал мастером этого искусства.

ИСТИНА - ЭТО РЫБА

Лампа с зеленым абажуром отбрасывала на стол круг болезненно-желтого света. В этом круге, как в операционной, лежали они — «мысли-окорочка». Обрубки смыслов, вырванные из ночного бреда, еще теплые, еще подергивающиеся от остаточных импульсов сознания.

14

Неидеальный мир

Элиас макнул перо в чернильницу. Чернила были густыми, как

запекшаяся кровь, и пахли железом и тленом. Он любил этот момент: когда кончик пера касается бумаги, и рождается иллюзия, что ты —

демиург. Что ты сейчас выведешь формулу, которая заставит Вселенную вздрогнуть.

«Истина — это рыба», — вывел он на пожелтевшем листе.

Красиво. Тягуче. Почти глубокомысленно. Элиас откинулся на спинку стула, любуясь изгибом буквы «И». Он чувствовал, как внутри разливается сладкий яд самообмана. Он играл в писателя — в человека, который знает больше других. В того, кто расшифровал код бытия.

Но в глубине души, там, где еще не успела осесть пыль тщеславия, он знал: это ложь.

Он посмотрел на свои пальцы, испачканные чернилами. Эти чернила — не кровь, не слезы, не откровение. Это просто сажа и клей. Он строил карточный домик из слов, зная, что любой сквозняк реальности снесет его. Литература — это мозаика из мертвых истин. Он препарировал жизнь, как биолог препарирует лягушку, и удивлялся, почему она перестала прыгать.

«Христос не писал», — подумал он, и рука дрогнула, оставив на бумаге кляксу. — «Он знал, что как только слово ложится на пергамент, оно становится памятником самому себе. А памятники — это кладбища».

Элиас встал и подошел к окну. За стеклом, в предутренней дымке, просыпался город. Где-то там, в цеху, токарь уже брался за холодную

сталь. Где-то там, в поле, крестьянин касался земли, которая не нуждалась в описании, чтобы быть плодородной. Там, в их руках, в их молчаливом труде, плавала та самая живая рыба — Истина. Она была быстрой, скользкой, невыразимой. Она не давалась в руки, не позволяла себя засушить между страниц.

15

Неидеальный мир

Он вернулся к столу. На бумаге чернели строки, которые еще минуту назад казались ему «озарением». Теперь они выглядели как сухие кости.

— Не верьте, — прошептал он пустоте комнаты.

Он взял лист, на котором только что вывел свои «глубокие» мысли, и медленно скомкал его. Бумага жалобно хрустнула. В этом хрусте было больше правды, чем во всех томах, что стояли на его полках.

Он не стал выбрасывать комок в корзину. Он положил его на край стола, как напоминание о том, что он — всего лишь игрок. Игрок, который наконец-то понял правила: чтобы увидеть Истину, нужно

перестать пытаться ее описать. Нужно просто отпустить перо.

За окном блеснул свет — может, это был утренний луч, а может, на долю секунды в глубине реальности мелькнул серебристый плавник.

Элиас затаил дыхание. Он не потянулся за ручкой. Он просто смотрел.

И в этот миг, когда он перестал быть писателем, он впервые стал человеком.

Неидеальный мир

Тишина в комнате стала осязаемой, почти плотной. Элиас сидел неподвижно, боясь спугнуть не столько саму Истину, сколько то редкое состояние ясности, которое наступило после отказа от «чернильного ремесла».

В этом молчании не было ни пафоса, ни литературной позы. Исчезла привычная внутренняя интонация, с которой он обычно комментировал свою жизнь, превращая каждый вдох в метафору. Больше не нужно было подбирать эпитеты к рассвету, чтобы потом продать их читателю как «уникальный опыт». Рассвет просто был. Он заливал комнату холодным, беспристрастным светом, обнажая пыль на полках и пятна чернил на столе — следы его прежних, тщетных попыток удержать вечность в узде грамматики.

Он посмотрел на свои руки. Они больше не казались ему инструментом демиурга. Это были просто руки — с мозолями от пера, с вьёвшейся в поры чернотой, руки, которые могли бы держать молот или плуг, если бы он не выбрал путь «игрока».

Неидеальный мир

Внизу, на улице, слышался гул просыпающегося города. Грохот телег, крики торговцев, далекий свисток паровоза — этот шум не нуждался в интерпретации. Он был самой тканью жизни, грубой, неотесанной и абсолютно подлинной. Элиас понял, что все его книги, все

эти «мысли-окорочка», были лишь попыткой спрятаться от этого шума в уютной келье собственного вымысла. Он строил стены из слов, чтобы не видеть, как стремительно и неумолимо течет жизнь за окном.

Он поднялся, подошел к книжному шкафу и провел ладонью по корешкам. Тысячи страниц, миллионы слов, застывших в вечном оцепенении. Он чувствовал себя посетителем музея, где экспонаты — это чучела когда-то живых смыслов.

— Вы мертвы, — сказал он книгам, и в его голосе не было горечи, только спокойное признание факта.

Он не стал сжигать их. Это было бы еще одной литературной игрой, еще одним жестом, рассчитанным на воображаемого зрителя. Он просто

оставил их в покое.

Элиас вышел из дома. Утренний воздух ударил в лицо — резкий, пахнущий сырой землей и дымом печных труб. Он шел по мостовой, не

пытаясь запомнить, как именно свет ложится на камни, не пытаясь найти сравнение для того, как дрожит на ветру листва. Он просто шел.

На углу он увидел старого плотника, который выносил из мастерской свежеструганную доску. Дерево пахло смолой и жизнью. Плотник кивнул ему, не зная, что перед ним стоит человек, только что совершивший самое важное предательство в своей жизни — предательство собственного тщеславия.

Элиас остановился. Он смотрел, как плотник проводит ладонью по гладкой поверхности доски, проверяя работу. В этом жесте было больше понимания сути вещей, чем во всех трактатах, которые Элиас когда-либо читал.

Рыба плеснула где-то совсем рядом. Не в воде, а в самом воздухе, в ритме шагов, в тяжелом дыхании города. Она была здесь, ускользающая, живая, невыразимая. И Элиас, впервые за долгие годы, не попытался ее поймать. Он просто позволил ей быть.

ДЕНЬ ШОФЕРА

Сквозь лобовое стекло мир выглядел как дешевый акварельный рисунок, который кто-то решил смыть из брандспойта. Дворники, эти два сумасшедших крыла, скребли по стеклу, высекая искры из реальности. Я сидел, вжавшись в сиденье, и чувствовал, как внутри меня, прямо под ребрами, пульсирует та самая «голубая мечта» — холодная, как лед в стакане с дешевым пойлом.

Рядом, на пассажирском, сидел он. Голубой скелет. Его кости отливали неоновым светом, будто он был собран из обломков старых рекламных вывесок и лунного света. Он пах ментолом и чем-то таким, что бывает, когда долго пьешь в гараже, а потом выходишь в ночь, где

18

что бывает, когда долго пьешь в гараже, а потом выходишь в ночь, где

Неидеальный мир

воздух пропитан бензином и безнадеей.

— Ты чего молчишь? — спросил я, переключая передачу. Коробка хрустнула, как челюсть того гуманоида, которому я всадил обойму. — Обиделся?

Скелет повернул голову. В глазницах у него плясали синие искры.

— Я... Я... — проямил он, и звук этот был похож на стук дятла по гнилому столбу. — Я не обиделся. Я просто... я просто не понимаю, зачем мы едем к Катьке. У нее же серая шерсть, она не поймет нашего цвета.

— Катька — собака, — отрезал я, вглядываясь в темноту, где маячили силуэты гаражных ворот. — А ты — недоразумение. Мы едем, потому что два километра — это хуйня. А если дождь — то это уже философия.

Мы проехали мимо сторожа. Старик стоял под фонарем, похожий на гриб, выросший из кучи мусора. Он что-то кричал, размахивая ключом, но его голос тонул в шуме дождя и в том гуле, который издавала моя голова. «Прилетели к нам грачи...» — пронеслось в мозгу. Или это я сам сказал?

— Слушай, — скелет потянулся костлявой рукой к бардачку, — а где баба? Надувная? Ты обещал.

— Хуй ее знает, — ответил я, чувствуя, как реальность окончательно идет трещинами. — Может, она улетела в SEPULTURA. Может, она стала облаком. Какая разница? Мы же пьяные, Геннадий. Или как тебя там. Скелет затих. Он смотрел на свои синие пальцы, которые дрожали в такт дворникам. В салоне пахло презервативностью и наукой — той самой, от которой сходят с ума, если не выпить вовремя.

— Знаешь, — вдруг сказал он, и голос его стал удивительно четким, — если мы доедем, я, пожалуй, рассыплюсь. Просто возьму и стану пылью. Синей пылью на твоём коврике.

— Не смей, — сказал я, вдавливая педаль газа в пол. — Мы еще не допили.

Машина дернулась, пробивая хаос. Впереди, в свете фар, возникли ворота. Они были ржавыми, как наши души, и скрипели так, будто сама вселенная просила о пощаде. Я въехал внутрь, чувствуя, как мир вокруг меня сворачивается в трубочку, как морская капуста в банке.

Я заглушил мотор. Тишина навалилась, как бетонная плита.

— Приехали, — сказал я.

Скелет не ответил. Он сидел, уставившись в пустоту, и был таким голубым, что от него исходило сияние, освещающее весь этот гаражный ад. Я посмотрел на свои руки — они тоже начали подсвечиваться синим.

— Ну, — сказал я, открывая дверь. — Пошли. День шофера не ждет.

И мы пошли. Два призрака в мире, который сошел с ума еще до нашего рождения. А дождь все лил, смывая остатки здравого смысла, превращая нас в то, чем мы всегда были — в пьяную фантазию, запертую в гараже на окраине Москвы.

Неидеальный мир

Гараж встретил нас запахом прогорклого масла и сырой земли.

Скелет ступал бесшумно, его кости позвякивали, как связка ключей в кармане у покойника. Я шел следом, чувствуя, как пол уходит из-под ног, превращаясь в зыбучий песок. В углу, на верстаке, среди ржавых гаечных ключей и окурков, сидела она — та самая надувная баба, которую я считал потерянной. Она была сдута наполовину, её резиновое лицо перекосило в вечной, идиотской гримасе, а один глаз-клапан смотрел прямо в потолок, где в щели крыши просачивалась луна.

— Вот она, — прохрипел я, указывая пальцем. — Твоя мечта. Или моя. Черт разберет.

Скелет подошел к ней, наклонился, и я увидел, как из его глазниц потекла густая, светящаяся синевой жидкость. Она капала на бетон, и там, где капли касались пола, начинали прорастать цветы — странные, металлические, с лепестками из фольги.

— Она не дышит, — сказал скелет. — У неё нет ментола внутри.

20

— Она не дышит, — сказал скелет. — У неё нет ментола внутри
и е

. идеальный мир

Только воздух, который ты выдохнул в неё в прошлую пятницу.

— А ты хотел, чтобы она пела? — я прислонился к стене, чувствуя, как холод бетона проникает сквозь куртку прямо в позвоночник. — Здесь

никто не поет, Геннадий. Здесь только скрипят петли и ржавеют мысли.

Я достал из кармана початую бутылку. Жидкость в ней была мутной, как совесть сторожа.

Сделал глоток — горло обожгло, будто я проглотил

кусок раскаленной арматуры. Мир вокруг качнулся. Гараж начал расширяться, стены отодвигались, превращаясь в бесконечные коридоры из бетонных плит, уходящих в небо.

— Знаешь, — сказал скелет, садясь на старую крышку, — я ведь не просто так пришел. Я — это то, что остается, когда ты выпиваешь всё

до дна. Я — твой осадок. Твой голубой скелет, который ты носишь в себе, чтобы не рассыпаться от тоски по Катке и по нормальной жизни.

— Заткнись, — сказал я, хотя голос мой звучал как шелест сухой листвы. — Просто пей.

Я протянул ему бутылку. Он взял её, и стекло в его костлявых пальцах начало таять, превращаясь в синий дым. Он не пил, он впитывал её всей своей сущностью. Его кости начали светиться ярче, ослепительно, так, что я зажмурился. В этот момент гараж перестал быть гаражом. Мы сидели в центре огромной, пустой вселенной, где вместо звезд висели пустые бутылки, а вместо планет — надувные женщины, медленно вращающиеся в вакууме.

— Красиво, — прошептал я.

— Это конец, — ответил скелет. — Или начало смены. Ты же шофер, да?

Я посмотрел на свои руки. Они были прозрачными, сквозь них

просвечивали ржавые балки крыши. Я понял: машина больше не нужна.

Дорога теперь была везде. Я встал, пошатываясь, и сделал шаг в пустоту.

— Поехали, — сказал я.

И мы пошли — сквозь стены, сквозь дождь, сквозь Москву, которая давно превратилась в декорацию к нашему общему безумию. Где-то вдалеке завывала собака — то ли Катка, то ли сама ночь, оплакивающая нас, двух призраков, которые просто хотели допить свою водюру до конца.

Неидеальный мир

Мы шли по проспекту, который превратился в бесконечную ленту конвейера, усеянную битым стеклом и ошметками вчерашних газет. Город не спал, он переваривал нас, как желудок — некачественную пищу.

Светофоры

мигали

не

цветами,

а

какими-то

болезненными,

пульсирующими сигналами: «Стой», «Беги», «Умри».

— Слышишь? — скелет остановился, его челюсть лязгнула, как затвор старого «Макарова». — Это не дождь. Это время капает с крыш.

Оно густое, как отработка.

Я посмотрел вверх. С неба действительно падало что-то вязкое, черное, оставляющее на куртке жирные пятна. Я попытался стереть их, но рука прошла сквозь ткань, как сквозь туман. Мы уже не были людьми, мы были лишь набросками, сделанными дрожащей рукой пьяного

демиурга.

— Куда мы идем? — спросил я, чувствуя, как внутри меня гаснет последняя искра тепла. — До станции два километра, но мы прошли уже целую вечность.

22

Неидеальный мир

— Станция — это метафора, — отозвался он, и его голос теперь звучал отовсюду: из водосточных труб, из трещин в асфальте, из самого моего сердца. — Станция — это место, где ты наконец-то перестанешь быть шофером и станешь дорогой. Ты хотел ехать? Теперь ты — путь. Впереди, в серой пелене, возник силуэт Владимира Ильича. Он стоял на постаменте, но вместо руки, указывающей в светлое будущее, у него была приварена паяльная лампа. Она горела тем самым херовым, синим пламенем, которое преследовало меня с самого начала вечера.

— Ильич! — крикнул я, срываясь на хрип. — Где выход? Где гараж? Где Катька?

Памятник медленно повернул голову. Его глаза были пустыми глазницами, в которых отражалась вся безнадега московских окраин.

— Выхода нет, — пророкотал он, и звук этот был похож на скрежет металла о металл. — Есть только бесконечный рейс. Ты завел мотор, ты нажал на газ, ты выпил лишнего. Теперь крути баранку до скончания веков.

Скелет рядом со мной расхохотался — сухим, дребезжащим смехом, от которого посыпались искры. Он начал распадаться, его кости

превращались в синие облака, которые тут же подхватывал ветер.

— Я ухожу, — прошептал он, растворяясь в воздухе. — Я — это ты, когда ты трезвеешь.

А ты никогда не протрезвеешь.

Я остался один. Вокруг меня смыкались стены из дождя и бетона. Я сел прямо на мокрый асфальт, чувствуя, как мои ноги превращаются в колеса, а руки — в рулевую колонку. Я стал машиной. Я стал тем самым «голубым скелетом», который вечно ищет станцию, которой не существует.

Где-то вдалеке залаяла Катька. Или это был гудок поезда, уходящего в никуда. Я закрыл глаза, и в этой темноте, наконец, стало тихо. Только дворники продолжали махать, стирая с лобового стекла моей души остатки реальности, превращая всё вокруг в чистый, бесконечный, пьяный холст. День шофера продолжался. И он никогда не закончится.

СВОБОДНЫЙ ОТ ВЕРЫ

Серый свет пробивался сквозь жалюзи, разрезая кабинет на полосы, как тюремную решетку. Я сидел в кресле, вертя в руках объектив —

холодный металл и линзы, которые видели мир таким, каким он был на самом деле: без прикрас, без метафизических надстроек, без «высшего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.